

Например, текст «Сказания»: «Святопѣлк же, седя Кыеве по отци, призвав кыяны, одарив, отпусти. Посла же к Борису, глаголя: „брате, хочю с тобою любовь имети и к отню ти придамъ“. Лъстьно, а не истину глаголя».⁷⁷ Надпись в третьей сцене иконы: «Святополк же сяде в Кыеве на отчем престоле, призвав кыяны, одарив, отпусти. Послав, лесно глаголя Борису: „Брате, хошу любовь с тобою имети“».

Тщательно соблюдая изложение «Сказания», художник в то же время заимствует бытовые детали из близкой ему действительности XVII в. Так, непонятную уже в его время «гривну златую» у Георгия-угрина он изображает в виде драгоценного золотого оплечья и жемчужного ожерелья.⁷⁸ Воины представлены в привычных искусству этого времени фантастических золотых доспехах, а князя — в тяжелых узорчатых московских шубах. Архитектура явно навеяна образами русского зодчества.⁷⁹

Близкая по художественному облику к произведениям так называемой Строгановской школы,⁸⁰ икона уже лишена драматической напряженности, подсказываемой литературной основой и переданной в более ранних памятниках. Однако художник тонко понимает текст произведения и умело передает не только иллюстрируемые фразы, но и более глубокий смысл эпизодов. Так, изображая отправку Святополком послов к Глебу с ложной вестью, «яко отецъ уже бо при смерти есть», он показывает не только посла с грамотой, скрепленной красной печатью, но и убийцу, вынимающего меч из ножен; тем самым раскрываются предательские замыслы Святополка.⁸¹

* *
*

По иной литературной основе представлено житие Бориса и Глеба на двух боковых створках складня-триптиха, на утерянном среднике которого, видимо, находились фигуры Бориса и Глеба.⁸² Створки датируются на основании надписи на нижних полях: «Написано бысть сие деяние... в лето 7181 (1673) июля в 24 день на праздник святых праведных страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба в Лавру... верою многогрешного раба божия Бориса Козынина». Каждая створка разделена на десять сцен-клейм. Письмо иконы тонкое, миниатюрное, с тщательной разделкой лиц, одежды, пейзажа — горок, зданий. Как и в предыдущей иконе, наряду с фантастическими одеяниями художник изображает и русские костюмы. Борис и Глеб одеты в княжеские шубы, украшенные тончайшим золотым орнаментом. На золотых фонах клейм — сильно стертые киноварные надписи.

Икона отличается от всех ранее рассмотренных памятников уже сюжетами начальных клейм. В первом из них, вместо традиционного изображения отправления Бориса против печенегов, представлен сидящий на

⁷⁷ Д. И. Абрамович, стр. 31—32. Слова «одарив, отпусти» приведены по Уваровскому списку «Сказания» XV в.

⁷⁸ История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, т. VI. М., [б. г.], рисунок на стр. 334.

⁷⁹ Там же, рисунок на стр. 335.

⁸⁰ Ю. А. Кожина. Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII вв. — В кн.: Русское искусство XVII века. Л., 1929, стр. 81.

⁸¹ М. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst, Bd. II. Augsburg, [б. г.], Abb. 299.

⁸² Находятся в Гос. Русском музее (№№ 2032 и 2033). Размеры створок: 40,5 × 17,5 см. Происходят из коллекции Н. П. Лихачева. Воспроизведены в книге Н. П. Лихачева «Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба...» (табл. II). При воспроизведении створки ошибочно перепутаны местами.